

НИКОЛАЯ
МАЙОРОВ

МЫ

Молодая
гвардия
1962

НИКОЛАЙ
МАЙОРОВ

МЫ

КНИГА СТИХОВ

Издательство

ЦК ВЛКСМ

„Молодая гвардия“

1 2 6

...Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Книга стихов Николая Майорова — первая дань памяти молодому талантливому русскому поэту, погибшему в боях за Родину.

Сын простого ивановского рабочего, Николай Майоров до войны учился на историческом факультете Московского университета и одновременно посещал занятия Литературного института имени А. М. Горького. Осенью 1941 года Николай Майоров пошел добровольцем на фронт и пал смертью храбрых.

Николай Майоров — один из наиболее самобытных поэтов предвоенного поколения (род. в 1919 г.). Стихи его отмечены ярким жизнеутверждающим талантом. Поэт уверенно выходил на свою самостоятельную поэтическую дорогу, шел к лирике больших чувств и высокой гражданственности. Николаю Майорову присуще удивительно острое чувство времени — черта истинного поэта. Он писал об искренней мужской любви, о подвиге, о своем поколении. Судьба поэта, судьба поколения слились в стихах Николая Майорова воедино.

В этой книге собраны лучшие из немногих дошедших до нас стихов Николая Майорова и воспоминания его друзей — поэтов и писателей.

Издательство благодарит БОЛХОВИТИНОВА В. Н. и ЖУКОВА В. С., оказавших неоценимую помощь в сборе литературного наследства Николая Майорова и подготовке его стихов к печати.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать лет тому назад, зимою 1940/41 года, в Литературном институте имени Максима Горького работал поэтический семинар, объединявший студентов одаренных и самобытных, истово рвавшихся к поэтическому творчеству. Будущее показало, что многие из них действительно стали поэтами. В семинаре господствовала атмосфера горячая и чистая — уважение друг к другу, хозяйская забота о судьбах нашей поэзии.

Сейчас я плохо помню, как выглядел внешне, в какой пиджак был одет студент-историк Николай Майоров, читавший свои стихи глуховатым, низким голосом. Был он, кажется, выше среднего роста, с лицом серьезным и сосредоточенным, был немногословен и чуть неуклюж. В стихах его звучала воспитанная самой жизнью, а не вычитанная в книгах, обязательных для студента-историка, любовь к истории родной земли.

Николаю Майорову не приходилось искать себя и свою тему. Его поэтический мир с самого начала был резко очерчен, и в самоограничении он чувствовал свою силу. Его лирика, повествующая об искренней мужской любви, органична в этом поэтическом мире.

Осенью 1941 года, как и многие другие его сверстники-студенты, Николай Майоров пошел добровольцем в армию и пал смертью храбрых.

...И вот сейчас, через двадцать лет, передо мною лежат стихи Николая Майорова, написанные еще в студенческие годы. В них легко узнать автора, круг его излюбленных образов, с тою только разницей, поистине огромной разницей, что история для Майорова перестала быть рассказом о прошлом. Она превратилась в его собственную военную судьбу, сделалась историей, творимой рядом с ним такими же, как он, а отчасти и им самим. Он увидел как бы со стороны самого себя и поколение, к которому принадлежал, увидел исторически. В этом интерес и своеобразие этих надежно построенных, оправданных военным подвигом строк и строф.

Стихи Николая Майорова уже не постареют, точно так же, как не постареет их автор, погибший в молодости и навсегда оставшийся молодым.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

СТИХИ

МЫ

Это время .
трудновато для пера.
Маяковский

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,

О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатого плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!

О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

1940

ТВОРЧЕСТВО

Есть жажда творчества,
Умение созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав,
Оставить кисти сыну,
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя всё так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

1940

АВГУСТ

Я полюбил весомые слова,
Просторный август, бабочку на раме
И сон в саду, где падает трава
К моим ногам неровными рядами.

Лежать в траве, желтеющей у вишен,
У низких яблонь, где-то у воды,
Смотреть в листву прозрачную
И слышать,
Как рядом глухо падают плоды.

Не потому ль, что тени не хватало,
Казалось мне: вселенная мала?
Движения замедленны и вялы,
Во рту иссохло. Губы как зола.
Куда девать сгорающее тело,
Ближайший омут светел и глубок —
Пока трава на солнце не сгорела,
Войти в него всем телом до кода
И ощутить подошвами песок!
И в первый раз почувствовать так близко
Прохладное спасительное дно —
Вот так, храня стремление одно,

Вползают в землю щупальцами корни,
Питая щедро алчные плоды
(А жизнь идет!), — все глубже и упорней
Стремление пробиться до воды,
До тех границ соседнего оврага,
Где в изобилие, с запахами вин,
Как древний сок, живительная влага
Ключами бьет из почвенных глубин.

Полдневный зной под яблонями тает
На сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери — воды.

1939

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Иди познай людское дело
И в Мавзолей войди, как в жизнь, —
Рукой дрожащей и несмелой
Его бессмертия коснись.

Здесь всех основ лежат начала.
Мы знаем, что и он любил,
Он тоже был живым сначала
И этой площадью ходил.
По тем же стершимся ступеням...
Но как ни мудствуй, ни пиши,
Ты не вместишь в название ЛЕНИН
Вселенский взмах его души.

Пройди весь мир насквозь и снова
Вернись к нему, и у Кремля
Тебя согреет этим словом
Его родившая земля.

Им каждый подвиг наш пронизан.
И он во всем, чем мы живем,
Он нам необходим и близок —
Мы в нем бессмертье узнаем.

1938

ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ

Рассвет сочился будто в сите,
Когда в звенящем серебре
Рванулся резко истребитель
Косым движением к земле.
Пилот, в бесстрашье шансы взвесив,
Хватался в спешке за рули,
Но все дороги с поднебесья
К суровой гибели вели.
И с жаждой верной не разбиться,
Спасая в виражах мотор,
Хотел он взмыть, но силу птицы
Презрели небо и простор.
Она все тело распластала,
Скользя в пространстве на крыле,
И вспышкой взрыва и металла
Жизнь догорела на земле.
...А сила ветра так же крепла,
Восходом солнца цвел восток,
И на земле сквозь дымку пепла
Пробился утренний цветок.
Уже истлели тело, крылья,
Но жизнь, войдя с людьми в родство,
Презрев пред гибелью бессилье,

Свое справляла торжество.
Как прежде, люди в небо рвались
В упорной жажде высоты.
А в небе гасли, рассыпались
Звезд изумрудные цветы.
И пахли юностью побеги
Ветвей. Прорезав тишину,
Другой пилот в крутом разбеге
Взмыл в голубую вышину.
Мир был по-прежнему огромен,
Прекрасен, радужен, цветист;
И с человеческим сердцем вровень
На ветке бился первый лист.
И, не смущаясь пепла, тлена,
Крушенья дерзостной мечты,
Вновь ликовала кровь по венам
В упорной жажде высоты!

1938

РОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

Приду к тебе и в памяти оставляю
Застой вещей, идущих на износ,
Спокойный сон ночного Ярославля
И древний запах бронзовых волос.
Все это так на правду не похоже
И вместе с тем понятно и светло,
Как будто я упрямее и строже
Взглянул на этот мир через стекло.
И мир встает — столетье за столетьем,
И тот художник гениален был,
Кто совершенство форм его заметил
И первый трепет жизни ощутил.
И был тот час, когда, от стужи хмурый,
И грубый корм свой поднося к губе,
И кутаясь в тепло звериной шкуры,
Он в первый раз подумал о тебе.

Он слушал ветра голос многоустый
И видел своды перевозданных скал.
Влюбляясь в жизнь, он выдумал искусство
И образ твой в пещере изваял.

Пусть истукан массивен был и груб
И походил скорей на чью-то тушу,